

вам Корнея Чуковского: «... Его лирика была подлинной магией. Так по крайней мере воспринимало ее наше поколение... Она действовала на нас, как луна на лунатиков. Блок был гипнолизером большой силы, а мы были отличными медиумами. Он делал с нами все, что хотел, потому что власть его лирики коренилась не столько в словах, сколько в ритмах». А вот уточнение этой мысли: «Я сказал, что тайна мелодики Блока навсегда останется тайной. Все, на что мы способны, — это заметить

— вот, несомненно, две главные, генеральные черты и поэтического характера Блока, два источника его душевной энергии, полностью завладевшие им и заставившие рано, сразу же после первой революции, сделать выбор и определить курс. Уже на склоне своих недолгих лет он так сформулировал давнюю, выношенную и заветную мысль: «Совість побуждает человека искать лучшее и помогает ему подчас отказываться от старого, уютного, милого но умирающего и разлагающегося в

пелюющие годы реакции? А у Пушкина или у Некрасова — что на самую светлую пору? Добывать свет, воевать за чистоту и добро всегда было призванием подлинных творцов. Быть верным духу времени — это значит быть верным его глубинным, его доминирующим течениям. Эпоха, говорил Блок, может простить художнику «все грехи», но «она никому не прощает единого: измены духу эпохи». Принадлежность Блока к лучшим порывам своего времени несомненна.

Никто не умел так пи-

падной Украине поэт Василий Бобинский перевел «Двенадцать» — польская цензура конфисковала отрывки гениальной поэмы. Со временем выдающееся произведение Блока перевели Дмитро Загуд и Владимир Сосюра, самый свежий перевод выполнил Дмитро Павлычко.

В издательстве «Радянський письменник» к юбилею вышла интересная работа Натальи Кузьякиной «Александр Блок и Леся Украинка» — первая попытка сопоставить творчество двух великих современников. То, над чем бился и размышлял Александр Блок, и сейчас встает перед человеком во всем объеме неразрешенности. Вспомним, как звучат проблемы революции и культуры, затрагиваемые поэтами, на фоне китайских событий, или прокитайских экспериментов типа фашистских деяний Пол Пота. Вспомним завихрения некоторых европейских интеллектуалов типа Жана Поля Сартра в сторону маоизма, и мы убедимся, как правы были великие поэты наших народов Леся Украинка и Александр Блок, которые не противопоставляли революцию и культуру, а, исследуя истоки христианства, ища аналогии между гибелью Рима и разломом царской империи, были убеждены, что уничтожение культуры всегда означает самоубийство революции.

То, что музыка поэзии Блока звучит над Днепром с убедительной силой, — факт несомненный. Когда Александр Александрович бывал в Киеве, зафиксирована на фото его гордая фигура на одном из киевских балконов. Репортеры киевских газет старательно следили за автором «Незнакомки». Сейчас собираются редкие фотографии, а простецкие провинциальные наблюдения за столичной знаменитостью, сохранившиеся на пожелтевших страницах киевской печати, невольно сберегли для нас следы пребывания поэта на Украине.

Наша земля помнит Александра Блока и, что самое важное, чисто и проникновенно, зачарованно, как сказал Максим Рыльский, любит его дивную музыку. Высокая культура мышления, чистота души, доступность изложения заодно с недостижимостью свободного дыхания стиха, всемирная боль в груди заодно с незатухающей, неистребимой печалью над судьбой родных полей. И во всем этом, и над ним, и под ним, и внутри всего — всенаполненность музыкой.

Иван ДРАЧ,
лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко.
(ПАТАУ).

К МУЗЫКЕ ПОЭТА

С каждым годом мы все отчетливее видим, что Александр Блок не только по праву стоит в ряду, начатом Александром Пушкиным и Михаилом Лермонтовым, но и имеет свой, так сказать, тайный запас, далеко не до конца разгаданный нами, людьми последней четверти двадцатого века. Художник поразительно откровенной силы, какой-то обжигающей открытости, он зачастую не поддается нашей самоуверенной алгебре познания. Для русской культуры он — залог славного будущего. Александр Блок равновелик среди великих мастеров русско-го стиха — уже сбывшихся и тех, которые еще сбудутся.

Как трудно о нем писать — как легко о нем пишется. Кажется, он в тебе с рождения: его редкостные музыкальные созвучия, такие крылатые и отточенные, такие печальные и дерзновенные, живут в тебе с уверенностью органической. Слово он не пришел к тебе, к одному из миллионов своих читателей, из какого-то потерянного от частого обращения к нему одностопника, а жил в тебе вечно своей неповторимой музыкой. Вот и названо это слово — музыка.

И впрямь, когда задумываешься над тем, что же главное в столь недосыгаемом и часто не поддающемся толкованию понятии, как Александр Блок, мысль бьется, точно ночная бабочка в оконное стекло. Все главное, трудно вычленишь какую-то часть и придать ей значение доминирующее. И напрашивается уже привычное: как это — что главное в Блоке? Конечно же, музыка. Музыка чувства и разума, закрепленная в слове!

Возьмем суждение одного из глубочайших ценителей Блока, прислушаемся к сло-

внешние, безусловно неглавные особенности его поэтической техники... Каждый его стих был полон многочисленных отзвуков, переключек внутренних рифм, полурифм и рифмоидов. Каждый звук будил в его уме несметное количество родственных отзвуков, которые словно бы желали остаться в стихе, то замирая, то возникая вновь. Это опьянение звуками было главным условием его творчества. Его мышление было чисто звуковым, иначе он и не мог бы творить».

Все эти размышления Корнея Чуковского поражают тонкостью, и трудно что-либо противопоставить их логике. Дело лишь в том, чем вызвана эта потрясающая внутренняя музыка поэта. А кроме того — каковы же побудительные силы этого грандиозного музыкального явления, названного Александром Блоком? Музыка его поэзии подобна упругому весеннему ветру, несущему целую метель белых бабочек вперемешку с лепестками цветов. Или вспомните, как оживает поздней осенью редкий безлиственный лес, когда в нем появляется юная музыка первого снега — кажется, в этот миг там присутствует Блок. Поэт сопровождает гармонию, гармония сопровождает поэта.

Путь к этой гармонии, зов этой музыки существовали именно потому, что он был беспощадно честным человеком. С собой. С людьми. С миром. «Обнаженной совестию» называли его современники. «От него, так сказать, несло правдой», — вынуждена была признать Зинаида Гиппиус, ожесточенная против автора «Двенадцати». Наиболее компетентнейший советский блоквед Владимир Орлов отмечает: «Совість и правда

пользу нового, вначале неуютного и немиллого, но обещающего свежую жизнь».

Поэт так стремился к гармонии, что не мог не воскликнуть в переломные годы: «Всем телом, всем сердцем, всей сутью — слушайте революцию». И сколько прежних друзей отсклось от него — именно потому, что он был беспощадно честен. А сколько новых друзей принесла новая эпоха! Сейчас их количество исчисляется миллионами. Сколько написано о революции, сколько еще будет написано, но вряд ли появится произведение такой пронзительной чистоты, такой распахнутости настежь пред ветрами нового времени, как это ощущается в «Двенадцати». А когда бури нового атомного времени пронесются над нашими головами, мы невольно вспомним гордые призывы его «Скифов»:

Придите к нам!
От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно —
старый меч в ножны,
Товарищи!
Мы станем — братья!

Александр Блок современен с головы до ног, все лучшее, созданное поэтом, принадлежит нам и нашим потомкам — что из того, что стремительный творческий рост Блока пришелся на трудные, черные, испе-

28 ноября —
100 лет со дня
рождения
А. А. Блока